

DOI: 10.31857/S032103910009669-8

С.А. ЖЕБЕЛЁВ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

(по материалам новых архивных документов)

Часть I. 1913–1927

В. Г. Ананьев¹, М. Д. Бухарин²

¹ *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

² *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

¹ E-mail: v.ananbev@spbu.ru ² E-mail: michabucha@gmail.com

Исследование биографии академика С.А. Жебелёва на основе еще не введенных в научный оборот архивных материалов позволяет осветить историю формирования целого ряда элементов научной системы СССР: создание и реформирование научных институтов, развитие историографических концепций, влияние государства на ход исторических исследований в стране. В этой связи отношения Жебелёва — ведущего антиковеда СССР довоенной поры — с советским государством распадаются на два этапа: до 1933 г. — период неприятия или активных гонений, и с 1933 г., когда работы Жебелёва неожиданно нашли соответствие господствовавшей идеологической схеме. Финальным аккордом отношений Жебелёва и советского государства стало присвоение ему звания заслуженного деятеля науки РСФСР в 1940 г. В статье целый ряд документов из различных архивных фондов поставлены во взаимосвязь друг с другом и встроены в контекст эпохи. Письма С.А. Жебелёва Н.Я. Марру, С.Я. Лурье, Д.М. Петрушевскому, выдержки из писем М.И. Максимовой, А.И. Болтуновой (Амиранашвили), А.В. Орешникову, а также «наградное дело» С.А. Жебелёва публикуются впервые и формируют основу для реконструкции научной биографии ученого и истории советского довоенного антиковедения. Важнейшим источником для реконструкции научной биографии С.А. Жебелёва в 1913–1927 гг. является его переписка с Н.Я. Марром, а также воспоминания коллег об их отношениях. В переписке с Марром Жебелёв предстает приверженцем традиционных научных принципов и противником модных псевдонаучных течений. Сближение и расхождение двух ученых было обусловлено различным отношением к базовым принципам научного поиска.

Ключевые слова: древняя история, антиковедение, история науки, архивы, С.А. Жебелёв, Н.Я. Марр, С.Я. Лурье, А.И. Болтунова, М.И. Максимова, научные институты, АН СССР

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев — доктор культурологии, старший преподаватель Института философии СПбГУ; Михаил Дмитриевич Бухарин — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

S.A. ZHEBELEV IN THE SYSTEM OF SOVIET SCIENCE

(Based on New Archival Findings)

Part I. 1913–1927

Vitaliy G. Ananiev¹, Mikhail D. Bukharin²¹ *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*² *Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*¹E-mail: v.ananbev@spbu.ru ²E-mail: michabucha@gmail.com*Acknowledgements:* Russian Science Foundation, project no. 18-18-00367

A biographical study of the academician S.A. Zhebelev on the basis of new archival findings allows to illuminate the emergence of a number of key systemic elements of the Soviet academia: creation and reform of research institutes, development of certain historiographical concepts, influence of the state on the direction of historical research. In this regard, the relations of Zhebelev, the leading Classicist of the prewar USSR, with the Soviet state can be divided into two stages: until 1933 – the period of rejection or active persecution, and after 1933, when Zhebelev's works unexpectedly aligned with the dominant ideological scheme. The award to Zhebelev of the title 'Honored worker of science' in 1940 became the final chord of the relationships between Zhebelev and the Soviet state. Several documents from different archival collections are considered in interrelation with each other and within the context of the period. S.A. Zhebelev's letters to N.Ya. Marr, S.Ya. Luria, D.M. Petrushevsky, excerpts from letters to M.I. Maximova, A.I. Boltunova (Amiranashvili), A.V. Oreshnikov, and the 'awards file' of S.A. Zhebelev are published for the first time and form the basis for the reconstruction of his scholarly biography and of the history of the prewar Soviet Classical studies. The major source for reconstruction of S.A. Zhebelev's scientific biography in 1913–1927 is his correspondence with N.Ya. Marr and also their colleagues' memories of their relationship. In his correspondence with Marr, Zhebelev appears to be a follower of traditional scientific principles and an opponent of trendy pseudo-scientific currents. The convergence and divergence of the two scientists was due to different attitudes towards the basic principles of scientific research.

Keywords: ancient history, classical studies, history of scholarship, archives, S.A. Zhebelev, N.Ya. Marr, S.Ya. Luria, A.I. Boltunova, M.I. Maksimova, research institutes, Academy of Sciences of the USSR

Я жил и умру, прежде всего,
оставаясь верным научному знанию
и тем требованиям, какие оно налагает на человека,
хотя бы кончиком перста причастного к науке.
*Из письма от С.А. Жебелёва к С.Я. Лурье 9 декабря 1922 г.*¹

Фигура Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941) в последние десятилетия привлекает пристальное внимание историков науки. Связано это обстоятельство в значительной степени с тем, что архивные собрания содержат значительный объем связанной с ним информации как собственно

¹ СПбФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 198. Л. 6 об.

научного свойства (неизданные работы), так и сведений по истории советской науки в целом и древней истории в частности.

Работа по введению в научный оборот неизданного наследия Жебелёва, материалов по биографии, начало которой положили в 1990-е годы И.В. Тункина и Э.Д. Фролов, продолжается. Как публикаций о самом ученом, так и изданий его работ за последнюю четверть века появилось довольно много; можно ограничиться ссылками лишь на наиболее важные².

Новые документы, касающиеся биографии Жебелёва, позволяют выявить свежую информацию о жизни и деятельности и его коллег, учреждений, с которыми Жебелёв сотрудничал, о формировании понятийного аппарата, основных концепций, доминировавших в науке предвоенной поры. Между тем при всем обилии публикаций по относительно частным вопросам до сих пор не подготовлен биографический очерк, который можно было бы рассматривать как претендующий на полноту в хронологическом и тематическом аспекте.

С другой стороны, не написана и история советской науки, как в целом, так и исторической науки в частности. Исследования биографий ведущих ученых не только освещают их жизненный и творческий путь. Сквозь призму жизненного пути научного работника можно реконструировать ход развития самой дисциплины в ее организационной форме, историю доминировавших концепций.

Биографические исследования давно утвердились как важнейший элемент в работах по истории науки. Достаточно упомянуть несколько статей, ранее появившихся на страницах «Вестника древней истории», посвященных биографиям М.И. Ростовцева³ или Ф. Шампольона⁴. При этом на страницах ВДИ были опубликованы и многочисленные материалы по отношениям того же Ростовцева с конкретными представителями науки и иных, ненаучных сфер творчества. В этой связи исследование научной биографии академика С.А. Жебелёва призвано сыграть важную роль для исследования судеб науки в СССР в целом. Из недавних журнальных публикаций данного жанра следует выделить очерк научного творчества М.И. Максимовой (1885–1973) — младшей коллеги и многолетнего друга С.А. Жебелёва⁵. Другие публикации также свидетельствуют о том, что эпистолярные документы, в том числе письма Жебелёва, являются важнейшим источником по истории антиковедения в частности⁶ и науки как отражения более общих общественных процессов в целом⁷. Нередки и монографические издания данного рода, написанные как в нарративном ключе⁸, так и форме хрестоматии⁹.

² Zhebelev 1993a, 177–201; 1993b, 191–202; 2017; Tunkina 2000a, 116–161; 2002, 142–194; Frolov 2000, 16–27; Shishkin 2003, 288–295; Ananiev, Bukharin 2018, 43–70; Karpuyuk, Kulishova 2018a, 88–112; 2018b, 389–404.

³ Zuev 1990, 148–153; 1991, 166–176; Bowersock 1991, 152–162.

⁴ Dewachter 1992, 139–144.

⁵ Vinogradov 2016, 7–23.

⁶ Например, Vinogradov 2017, 58–68.

⁷ Например, Skudar' 2017.

⁸ Levinskaya 2018.

⁹ Klyuev, Metel 2018.

Антиковедение, которое представлял Жебелёв, как и другие гуманитарные дисциплины, с конца 1920-х годов находилось под жестким прессом государственной идеологии. Их развитие во многом было связано с тем, как они отвечали на вызовы советской государственной системы — прежде всего на необходимость обоснования марксистской схемы исторического развития. Так, востоковеды (во многом усилиями В.В. Струве) внесли свою лепту в обоснование типологического единства исторического развития общества в период древности на основе рабовладения. Вклад антиковедов был наиболее ощутим в виде концепции о революции рабов, уничтожившей рабовладельческий строй. И если В.В. Струве относительно легко принял советскую марксистскую схему исторического развития и даже стал разработчиком одного из важнейших ее аспектов, то слияние С.А. Жебелёва с советской марксистской наукой на уровне концептуальном и институциональном проходило тяжело, но увенчалось неожиданно благополучным финалом.

При этом следует отметить, что некоторые мысли Жебелёва исключительно актуальны и в настоящее время. Очевидно, что наука в конце 1920-х годов стояла перед вопросами, в той или иной степени аналогичными целому ряду современных проблем: выбор языка издания, соотношение количества и качества публикаций и т.д.¹⁰ Незнание истории науки часто приводит к тому, что на новом историческом этапе приходится заново решать вопросы, встававшие перед научным сообществом около столетия назад.

Изучение истории советской науки в целом и науки о древности в частности — обстоятельств формирования исследовательских учреждений, доминировавших концепций и т.п. — требует обращения к делопроизводственным материалам академических учреждений, с которыми был связан Жебелёв, а также к его частной переписке. Именно анализ последней позволяет приблизиться к пониманию сложной конфигурации формальных (официальных) и частных связей, которые и способствовали научной коммуникации, формированию и трансляции научного дискурса в условиях до- и особенно послереволюционной России. Важнейшими аспектами в данном разрезе являются отношения Жебелёва с административным руководством, учениками, коллегами, представителями государства.

В административном отношении на протяжении первых почти двадцати послереволюционных лет Жебелёв был тесно связан с академиком Н.Я. Марром (1865—1934) — председателем РАИМК (ГАИМК), в рамках которой Жебелёв возглавлял разряд Эллады и Рима Археологического отделения. Н.Я. Марр — не только один из самых ярких и противоречивых представителей академического

¹⁰ Ср., например, фрагмент письма С.А. Жебелёва к Н.Я. Марру от 2 июля 1928 г.: «Раньше, когда материала было меньше, этот небольшой материал все-таки как-никак изучали и на основании его писали *исследования*, которыми только и движется наука вперед. Но уже с конца прошлого века нас, по примеру европейцев, увлек поток добывания все нового и нового материала, всякого — и рукописного, и вещественного. Все бросились его изучать, забросили старый, но и с новым совладать не могли... И вот мы теперь задавлены новым материалом, не изучив старого, отбились от *исследовательской* работы, занимаемся либо собиранием нового, либо фантазированием... Издают, например, такое количество хотя бы надписей, что прочитывать, не то что заниматься ими не успеваешь. Пошел в науке какой-то американизм, какой-то спорт» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 29—29 об.).

сообщества России конца XIX — первой трети XX в., но и крупный организатор науки. Так как значительную часть своей деятельности в советский период Жебелёв провел под непосредственным руководством Марра, переписка ученых, а также обмен письмами с другими коллегами, в которых поднимается данная тематика, представляются полезными не только для уяснения судеб советского антиковедения, но и науки в довоенном СССР в целом.

С другой стороны, для истории антиковедения 1930-х годов много новой информации содержится в переписке С.А. Жебелёва с его учениками-антиковедами С.Я. Лурье (1891–1964), А.И. Болтуновой (Амиранашвили) (1900–1991), М.И. Максимовой (1885–1973), а также коллегой по Академии наук историком-медиевистом Д.М. Петрушевским (1863–1942), отдавшим дань изучению и античной истории, и крупнейшим историком-нумизматом членом-корреспондентом АН СССР А.В. Орешниковым (1855–1933). При этом нельзя не отметить, что новые документы по деятельности Марра, Лурье и Петрушевского появляются крайне редко, несмотря на их кажущееся обилие — особенно это касается фонда Петрушевского в Архиве РАН и других собраний¹¹.

Отношения Жебелёва и Лурье ранее находили отражение в мемуарной прозе (некоторое внимание им было уделено при мемуарном описании изгнания в 1928 г. Жебелёва из Ленинградской секции научных работников профсоюза работников просвещения, которую возглавлял Марр, в связи с опубликованием некролога Я.И. Смирнова¹² во втором томе “*Seminarium Kondakovianum*”¹³), даже кратко цитировались письма С.Я. Лурье, в которых он описывал Жебелёва¹⁴, однако переписка между учителем и учеником в этих воспоминаниях не использовалась¹⁵, а иные сюжеты, претендующие на документальность, освещаются крайне скудно¹⁶.

¹¹ Можно разве что упомянуть работу, посвященную истории написания Д.М. Петрушевским докторской диссертации, в которой цитируется несколько писем, проливающих свет на атмосферу, царившую в университетской среде в 1897–1901 гг.: Ivanov 1990, 299–304.

¹² Смирнов, Яков Иванович (1869–1918) — археолог, искусствовед, хранитель в Эрмитаже (1898), приват-доцент СПбУ (1913), член-корреспондент (1907), академик РАН (1917). Умер от истощения.

¹³ Lurie 2004, 105.

¹⁴ «Профессор Жебелёв, папиного типа, в очках, небрежно одетый, сидит как-то бочком, положив ногу на ногу так, что одна подошва упирается в сиденье стула» (Lurie 2004, 51). Приведенный фрагмент — цитата из письма С.Я. Лурье родным, включенного в текст воспоминаний его сына. Поэтому под «папой» имеется в виду отец Соломона Яковлевича Лурье, Яков Анатольевич, а не отец Якова Соломоновича.

¹⁵ Едва ли не единственный случай: Mikhankova 1949, 222 (цитируется письмо за 1913 г., в котором Марр пишет Жебелёву о том, что он против празднования 25-летия его собственной научной деятельности).

¹⁶ Например, двусмысленная ситуация, сложившаяся, по словам мемуариста, в 1921 г., когда Жебелёв как директор библиотеки Петроградского университета не разрешил пользоваться книгами Лурье: «Более того — его собственный учитель, С.А. Жебелёв, ставший (при существовавшем еще ограниченном университетском самоуправлении) директором библиотеки Университета, отказал своему ученику в праве пользования книгами этой библиотеки. Доброжелатели передали С.Я. и фразу, сказанную Сергеем Александровичем: “Все мы виноваты в революции. Вот и я тоже — оставил еврея при Университете”»

Внимательному рассмотрению подверглись отношения Н.Я. Марра с немногими российскими учеными, в частности, Ф.А. Брауном¹⁷ — пламенным сторонником и пропагандистом яфетической теории, и С.Ф. Ольденбургом¹⁸, не разделявшим этих восторгов. Отношения Марра и Ольденбурга тем не менее на протяжении всей их жизни сохранялись корректными, а в 1920-х годах они, например, вместе отчаянно сопротивлялись распродаже и дроблению музейных собраний, пытаясь, среди прочего, сохранить в целостности фонд восточных рукописей ряда хранилищ Москвы и Петрограда-Ленинграда¹⁹. В этой связи вопрос о взаимоотношениях Жебелёва и Марра вопрос вовсе не праздный. Место и роль Жебелёва в советской науке в 1920-х — начале 1930-х годов формируются в десятилетие, предшествующее перевороту 1917 г., и переписка Жебелёва с Марром в этом отношении весьма показательна.

Отметим, что распределение писем ученых оказалось хронологически и количественно неравномерным. Если в фонде Жебелёва сохранились преимущественно письма Марра дореволюционного периода, то в фонде Марра из 24 посланий Жебелёва значительная часть приходится на первое послереволюционное десятилетие.

Николай Яковлевич Марр внес значительный вклад в разработку древней истории и литератур Кавказа. В 1912 г. он был удостоен звания ординарного академика Императорской Петербургской академии наук. Параллельно с занятиями археологией и литературоведением в 1890-х годах Марр увлекся выявлением генетических связей между кавказскими языками, а затем и между всеми языками мира, и выделением в них единой праосновы, так называемого «яфетического» элемента²⁰. Отсутствие систематического лингвистического образования при практическом владении множеством языков, часто неродственных, отрезанность от раскопок в Ани, исследование памятников которого стало основой для многих его исторических построений 1900–1910-х годов, из-за начавшейся Первой мировой войны, податливость государственному нажиму после 1917 г. привели к тому, что псевдолингвистика возобладавала в научных интересах Марра и выродилась, пополнившись новыми квазинаучными составляющими, в «новое учение о языке». Послереволюционное лихолетье Марр встретил на посту декана факультета восточных языков Петроградского университета (он занимал должность с 1911 г.). В 1919–1920 и в 1922–1934 гг. Марр являлся председателем Российской (с 1926 г. — Государственной) академии истории материальной культуры²¹.

(Lurie 2004, 90). Здесь следует отметить, что Жебелёв никогда не был директором университетской библиотеки (См. список на сайте университета. URL: <http://www.library.spbu.ru/about/dir/>; дата обращения: 04.04.2020), да и ректором к 1921 г. уже перестал быть. Возможно, речь идет о книгах Библиотеки Академии наук, обязанности директора которой Жебелёв исполнял во второй половине 1920-х годов и вплоть до «дела Жебелёва» (1928 г.). В любом случае эта цитата еще раз доказывает необходимость критической проверки сведений, содержащихся в мемуарной литературе.

¹⁷ Tunkina 2000b, 384–391.

¹⁸ Kaganovich 2015, 3–15; 2016, 136–151.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1923. Д. 9; ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 3.

²⁰ См. подробнее Alpatov 1991.

²¹ Тонкому умению Марра манипулировать властью с помощью шантажа в условиях кадрового голода и управлять всей археологической сферой при полной поддержке

В 1921 г. в Петрограде по его инициативе был основан Яфетический институт, трансформировавшийся позднее в Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра, в 1926–1930 гг. Марр являлся директором Государственной публичной библиотеки, в 1930 г. он был избран вице-президентом АН СССР, в 1929–1934 гг. являлся председателем Российского палестинского общества.

Два столь не похожих в науке ученых – сторонник глобальных построений Н.Я. Марр и «фактопоклонник» С.А. Жебелёв – были обречены на многолетнее сотрудничество в определенных научных структурах, на выстраивание не только рабочих, но и личных отношений, которые, в свою очередь, до радикальных институциональных трансформаций середины 1930-х годов нередко определяли развитие научной сферы в СССР.

Отношения между Марром и Жебелёвым стали достаточно близкими и даже доверительными еще в начале XX в. Как писал об этом сам Жебелёв одной из своих ближайших учениц Анне Ивановне Болтуновой (Амиранашвили) в письме от 19 июня 1932 г., «я думаю, мы оба сознательно избегаем встреч друг с другом: слишком широко стало расстояние, разделяющее нас, особенно если принять в расчет, что раньше никакого расстояния не было; а были мы, и долго, в течение лет 25–30 *ομόφρονες*»²².

Близкая Жебелёву М.И. Максимова в подготовленных в конце жизни комментариях к сохранившимся в ее личном архиве письмам Жебелёва так писала об отношениях ученых: «Сергей Александрович был давнишним другом Н.Я. Марра, но он очень не одобрял его увлечения яфетической теорией и в этой связи нередко над ним подтрунивал. Очень характерно для Сергея Александровича, что после смерти Н.Я. Марра он во имя старых, добрых отношений, не только сам прекратил эти насмешки, но и не терпел их от кого бы то ни было в своем присутствии»²³.

Сохранившаяся переписка ученых полностью это подтверждает. В дореволюционный период они обсуждают научные достижения и планы, планируют совместное посещение кавказских раскопок, работу в Русском археологическом обществе. Жебелёв добродушно подсмеивается над общими знакомыми. Так, например, в письме от 16 июля 1910 г. он дает следующую характеристику Я.И. Смирнова и Б.А. Тураева, памяти которых впоследствии посвятит глубокие прочувствованные некрологи: «Боюсь только не столько врагов, сколько друзей, вроде Якова Ивановича, человека – что и говорить, – почтеннейшего, но, выражаясь деликатно, в своей вечной оппозиции неуравновешенного. То, что Вы о нем пишете, меня нисколько не удивляет. Я уже давно к подобного рода фокусам со стороны Якова Ивановича привык и знаю, что самое верное средство переспорить его – это с ним согласиться. Тогда он обязательно будет возражать на твое согласие и зачастую говорить и действовать против своего первоначального мнения и утверждения. Яков Иванович хорош в дружеской беседе, но, по-моему, совершенно невозможен в общественной жизни... Вчера я видел Тураева. Дунал, что он мне порасскажет о кавказских раскопках, но Тураев всего более мне

сверху посвящена интересная, хотя и, возможно, слишком смелая в психологических оценках и характеристиках статья: Sidorchuk 2016, 96–107.

²² Единомышленниками (*др.-греч.*). СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 114 об.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 107 об., 108 об.

сообщал о кавказских церковных службах, попах, монахах, архиереях и пр. Тоже что-то вроде *mania*, если не *grandiosa*, то *religiosa*»²⁴.

Критически высказывается С.А. Жебелёв и об устройстве университетской жизни: «Сидя в Правлении еще и еще раз убеждаюсь, как дико у нас поставлена университетская жизнь. Профессора, т.е. [...] люди науки прежде и главнее всего рассуждают или слушают о пособиях нищим, о ремонтах клозетов, об окраске стен и т.п. и т.п. Неужели так и должно быть? Правда, все вопросы Шимкевич²⁵ решает [...] быстро, но сама возможность решения этих вопросов профессорами представляется мне нелепостью и уж вовсе не сутью университетской автономии, о которой так много говорят»²⁶.

В этой связи понятными становятся корни тех преобразований, которые в первые послереволюционные годы Марр и Жебелёв пытались осуществить в Петроградском университете²⁷. Очень ярко этот период во взаимоотношениях двух ученых отразился в письме из Куоккалы 1 июня 1913 г., написанном Жебелёвым по случаю 25-летнего юбилея научной деятельности Марра.

Дорогой Николай Яковлевич,

Прилагаемую заметку я только что прочел в «Петербургской газете». Источник не особенно надежный; вероятно, впрочем «Петербургская газета» почерпнула свои сведения откуда-нибудь из другого места. Как бы то ни было, я, узнав о том, что сегодня Ваш двадцатипятилетний юбилей, не могу молчать, а должен, помимо обычных в таких случаях поздравлений и пожеланий — в искренности которых Вы, конечно, не усомнитесь, — сказать вот что: едва ли кто иной из наших сверстников — будем говорить только о них — имеет такое полное право *по совести* отпраздновать свой юбилей в такой степени, как Вы.

Мне не к лицу говорить о Ваших заслугах в Вашей специальности. Но, мне кажется, каждый, мало-мальски причастный к науке человек, имеет право говорить о Вас и Вашей деятельности с точки зрения науки вообще. И здесь, в моем, по крайней мере, представлении Вы принадлежите к числу тех, теперь уже, к сожалению, немногих ученых у нас, которые являлись и являются вполне истинными служителями науки. Я думаю, что, если бы Вы сами спросили себя, что для Вас дороже всего на свете, вы, неминуемо, должны были бы ответить — *наука*. А если бы меня спросили, что для Н.Я. Марра дороже всего на свете, я бы, не колеблясь, ответил — *наука*. И я думаю, что, если бы Вам предложили «рай земной», но без науки, Вы бы от рая отказались. Вот за эту-то чистую, бескорыстную, подчас, быть может, даже платоническую любовь к науке мне и хочется сегодня не только приветствовать Вас, но и поклониться Вам. Больше по этому поводу ничего не буду говорить Вам, чтобы не впасть во что-нибудь пошлое, не соответствующее тому радостно-чистому настроению, какое на меня нашло, когда я прочел заметку, вспомнил о Вас и всей Вашей деятельности, о всех Ваших планах, о наших беседах и пр. пр. Так как Вы в моих глазах всегда были человеком дела и «реальной политики» в Вашей ученой деятельности, то я и выскажу вам одно пожелание, тоже реального характера: пусть же, наконец, откроется Анийский институт²⁸. Это, я думаю, будет для Вас лучшей наградой за Ваши двадца-

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 4–5.

²⁵ Шимкевич, Владимир Михайлович (1858–1923) — зоолог, профессор СПбУ/ПгУ (1889–1923), ректор ПгУ (1919–1923).

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 5–5 об.

²⁷ См. Marr, Zhebelev 1919.

²⁸ Один из самых любимых проектов Марра этого периода — проект создания на месте раскопок научно-исследовательского института, посвященного изучению культуры региона.

типятiletные ученые труды, так как в открытии Анийского института прежде всего будет торжествовать свою победу чистая наука...

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 11–12 об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

Вот как Жебелёв вспоминал об этом времени — времени дружески-коллегиального сотрудничества — после кончины Марра: «Без малого 40 лет связывает меня с Н.Я. Марром научно-дружественное общение, никогда не прерывавшееся, ничем не омрачавшееся. В дореволюционное время работали мы вместе в университете, он — на Факультете восточных языков, я — на историко-филологическом, сидели за одним столом на заседаниях совета, а — временами — и в заседаниях правления, когда Н.Я. был деканом своего факультета, а я исполнял, кратковременно впрочем, обязанности проректора и ректора университета и декана своего факультета. Никто более Н.Я. не содействовал сближению этих факультетов»²⁹. Ностальгический тон воспоминаний о старом товарище (одном из самых старых к моменту написания текста) сглаживает противоречия, существовавшие между Марром и Жебелёвым. Они становятся очевидны при обращении к другим архивным материалам.

Революции 1917 г. постепенно вносят коррективы во взаимоотношения обоих ученых. Однако в конце 1910-х годов отношения Жебелёва и Марра — союзнические. Именно Жебелёву Марр излагает свой план по созданию на месте Археологической комиссии Академии истории материальной культуры. Именно Жебелёв, как следует из его воспоминаний о Марре, оказал ему в этом вопросе самую деятельную поддержку³⁰. Весьма показательна в этой связи следующая записка Жебелёва, сохранившаяся в архиве Марра и как раз связанная с решением кадровых вопросов нового учреждения:

Дорогой Николай Яковлевич,

Нужно *сегодня* же составить список *всех* членов Совета Археологической Комиссии и составить этот список Г.С. Ятманову³¹ *сегодня же*. Список будет послан в Москву. Отсылка эта стоит в связи с проведением декрета об Академии материальной культуры. С. Жебелёв³².

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 17.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

После революции Марр активно сотрудничает с новой властью, Жебелёв, напротив, не принимает происходящих изменений. Начинается их расхождение,

²⁹ Zhebelev 1935, 170.

³⁰ Zhebelev 1935, 172–173.

³¹ Ятманов, Григорий Степанович (1876–1949), советский государственный деятель. В октябре — ноябре 1917 г. — комиссар Петроградского военно-революционного комитета по охране музеев и художественных коллекций. С 1917 г. — комиссар Эрмитажа и Зимнего дворца. До начала 1930-х годов принимал активное участие в работе государственных органов по музейному делу и охране памятников Петрограда-Ленинграда.

³² Записка не датирована, но, вероятно, относится к рубежу 1918–1919 гг., так как декрет о создании РАИМК был подписан В.И. Лениным 18 апреля 1919 г.

имевшее, однако, и причины научного свойства. Одной из таковых была яфетическая теория Марра. Жебелёв, верный идеям «фактопоклонников» и не склонный к широким гипотетическим построениям, относился к ней весьма скептически, когда же она постепенно начала занимать место «единственно верного учения» в советской науке, этот скепсис перерос в явное отторжение.

В это время Жебелёв вел семинары, в том числе у себя на дому³³. Их посещал любимый ученик Марра кавказовед Н.А. Генко³⁴ — человек образованный, искренне преданный своему учителю и явно склонный к эпатажу, хотя и не разделявший крайностей яфетической теории и впоследствии критиковавшийся сторонниками «нового учения о языке». Вот как вспоминала об этом в 1937 г. другая ученица Жебелёва и Марра, в итоге оказавшаяся далекой от методологий и выводов как одного, так и другого своего наставника, О.М. Фрейденберг: «Я о Марре ничего не знала. Это было в начале двадцатых годов. Иногда на семинаре Жебелёва Генко говорил о каком-то Николае Яковлевиче, а Жебелёв с ним спорил. Выплывали какие-то корни слов, имена-отчества, частности, что-то хорошо известное только им обоим. Почему-то это вызывало стереотипные эмоции у Жебелёва, ехидную улыбку у Генки. Все это относилось к частным разговорам»³⁵.

И далее, в более поздней версии: «Генко был лингвистом и учился у Марра, который имел в то время репутацию научного чудака. Мефистофельский ум Генки любил все острое, парадоксальное, антипопулярное; Генко с большим увлечением (он был умен, образован и талантлив) предавался “яфетидологии” [...], охотно спорил с Жебелёвым и, видимо, рад был, что он единственный и любимый ученик Марра [...]. Генко, действительно, был преданным учеником Марра до той поры, как возле его непризнанного, гонимого в научной среде учителя не появился другой адепт [...] Мещанинов»³⁶.

Принципиально разные подходы к исследовательскому процессу и несхожий научный инструментарий двух ученых в этот период становились все более и более очевидными, однако полного разрыва на уровне личных связей и контактов не происходило. Ученик Марра Генко мог спорить на семинарах Жебелёва, а ученица (формальная, как минимум) Жебелёва Фрейденберг — провести диссертационный диспут при поддержке Марра.

Поэтому неудивительно, например, что С.А. Жебелёв именно перед Марром хлопочет о подключении административного ресурса для решения дел своего друга — эмигранта М.И. Ростовцева в письме от 22 апреля 1924 г.

³³ См. Freidenberg 1988, 198, прим. 5.

³⁴ Генко, Анатолий Нестерович (1896—1941) — историк, этнограф, лингвист, ученик Н.Я. Марра, отошедший от его учения в 1930-е годы.

³⁵ Freidenberg 1988, 182.

³⁶ Freidenberg 1988, 198.

Дорогой Николай Яковлевич,

Прозондируйте в Москве почву: нельзя ли Академии получить как-нибудь 1000 руб. на окончание книги М.И. Ростовцева «Скифы и Боспор»³⁷. Обстоятельства дела таковы: 23 листа книги отпечатаны и все расчеты за эти 23 листа покончены. Остается допечатать 14 листов, на что и потребовалось бы 1000 руб. О важных достоинствах книги говорить нечего. Если тысячи р. не дадут, то все пропадет — и отпечатанные 23 листа и вся книга целиком.

Ваш С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 18.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

Марру же Жебелёв жалуется на произошедший с ним неприятный инцидент — провал на выборах в Исследовательский институт³⁸. Кандидатуру профессора, декана, проректора и ректора Санкт-Петербургского—Петроградского университета, члена-корреспондента РАН забаллотировали «молодые египтологи» во главе с В.В. Струве. Отсутствие тесной связи с государством, тот факт, что Жебелёв так и не «присягнул» на верность новой власти начинали негативно сказываться на его научной деятельности³⁹. В условиях организационного хаоса 1920-х годов, когда институты и факультеты чуть не ежегодно сливались и разделялись, принимая новые формы, найти дополнительный источник дохода было крайне важно. Заступничество учеников Жебелёва — С.Я. Лурье и И.И. Толстого — также лишь относительно лояльных новым властям, не помогло.

В письме от 29 декабря 1924 г. С.А. Жебелёв писал Н.Я. Марру:

Дорогой Николай Яковлевич,

то, что Вы прочтете, — большая гадость, настолько мерзкая, что я предпочитаю о ней писать, чем говорить. Можно, и, может быть, даже должно о ней и не писать, но, с другой стороны, и Вам следует знать, в какой «академической» сфере мы живем и с какими людьми общаемся. Дело касается моего избрания в Исследовательский институт, о котором я Вам кратко говорил. Сегодня был у меня мой ученик Лурье⁴⁰ и сообщил мне подробности, разыгравшиеся

³⁷ Имеется в виду работа Rostovtzeff 1925. См. об истории ее написания Zuev 1990 148–153; 1991, 166–176. Книга была издана под грифом РАИМК.

³⁸ Имеется в виду Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока Петроградского-Ленинградского государственного университета (1921–1930), образованный 25 мая 1921 г. при Факультете общественных наук Университета. С марта 1928 по 1930 г. находился в ведении Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1930 г. преобразован в Институт речевой культуры.

³⁹ В контексте данного документа уместно привести общую характеристику этой эпохи в истории советской науки, данную А.А. Формозовым: «В 1917–1920 годах решалось, как выжить, уезжать или остаться. Теперь встал другой вопрос — сотрудничать с новыми хозяевами страны или нет, если сотрудничать, то в какой мере. Открытое прогивостояние грозило гибелью. Отказ от сотрудничества означал потерю достойной работы и возможность хоть как-то влиять на положение дел в науке и культуре» (Formozov 2006, 44).

⁴⁰ Имеется в виду С.Я. Лурье; см. выше.

на заседании, когда выборы происходили. Оказывается, секретарь секции Казанский⁴¹, когда была выставлена моя кандидатура, выступил с заявлением об отводе ее по соображениям «нравственного порядка» (sic!). Когда Толстой и Лурье запротестовали, то председатель секции Струве лишил их слова, так как де они говорят по личному вопросу. Голосование все-таки состоялось, и к участию в нем привлечены были Струве какие-то молодые [...] египтологи, очевидно, научные сотрудники института. Струве убеждал и А.А. Фреймана⁴² голосовать против, но тот отказался. Из краткого указания, сказанного Вами мне, я понял, что в разговоре с Вами Струве как будто высказывал сожаление по поводу всего произошедшего. Теперь, по крайней мере, выяснилось, что означают сожаления некоторых господ. Простите, что я все это Вам изложил. Дальнейшего хода всему этому, конечно, придавать не следует, но пора нам самим открыть глаза на то, где мы и с кем мы!

Ваш С. Жебелёв

К написанному я считаю нужным добавить, что ни со Струве, ни с Казанским у меня никогда личных столкновений, со времени моего с ними знакомства, не было; напротив, и тот и другой в свое время держали у меня государственные и магистерские экзамены, и их выдержали.

Статьи обоих я в свое время печатал в покойном Журнале Министерства народного просвещения⁴³.

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 19—19 об.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

В 1926 г. Марр и Жебелёв сохраняли коллегиальность и дружественность в отношениях. Уже разворачивалась предвыборная кампания в АН, в ходе которой Марр выступал за избрание Жебелёва академиком. Как знак союза между учеными следует расценивать посвящение Марром статьи в сборнике в честь Жебелёва⁴⁴, вышедшем в машинописном виде и до сих пор не изданном (сам Жебелёв в сборниках в честь Марра не участвовал, однако посвятил ему воспоминания⁴⁵). В письме от 30 июня 1926 г. Жебелёв призывал импульсивного Марра к спокойствию и предпочитал заниматься делами по руководству ГАИМК — Н.Я. Марр, судя по контексту, находился в отъезде.

Дорогой Николай Яковлевич,

Получил Вашу открытку. Если не забыли еще о «гвоздях», советую совершенно не думать о них: не стоит — все равно, они, гвозди, всегда будут наготове у всякого, желающего их вонзить. Вы знаете, греческие философы выдумали ἀταξία⁴⁶, они распространяли ее на все —

⁴¹ Казанский, Борис Васильевич (1889—1962) — филолог-классик, пушкинист, профессор ПгУ/ЛГУ (1921—1930, 1937—1959), профессор ЛГИЛИ/ЛИФЛИ (1930—1937).

⁴² Фрейман, Александр Арнольдович (1879—1968) — филолог-иранист, член-корреспондент АН СССР (1928), на момент написания письма — профессор Ленинградского университета, член Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока.

⁴³ Вписано по верхнему полю.

⁴⁴ Марр, Н.Я. Naïma «брат» || «кровь». *Сборник в честь С.А. Жебелёва* (рукописный). Л., 1926, 456—462.

⁴⁵ Zhebelev 1935, 170—174.

⁴⁶ Невозмутимость, спокойствие (др.-греч.).

и на людей, и на дела. Мы не философы, мы живем в «утонченной» культуре. И я полагаю, что в этой «утонченной» культуре самое лучшее хранить атараксию в отношении людей, но зато в отношении дела и дел уже не впадать в атараксию ни в каком случае. Правда, с делами всегда связаны люди, так вот и надо устроить так, чтобы для людей была атараксия, а для дел — *ἀνταρᾶξις*⁴⁷. Но это «немного философии».

У нас, в академии⁴⁸, все благополучно, и будет еще благополучнее, когда еще больше народу разведется, кто в отпуска, кто в командировки и т.д. Тогда можно будет заниматься «делами» и «людьми» от них отрывать не будут. Херсонесское совещание не привело ни к чему-либо особенному⁴⁹. Важнее то, что Гриневич⁵⁰, судя по его письмам, чувствует себя довольно беспомощно. Надо, чтобы эту беспомощность осознали и его покровители, и тогда Херсонес, естественно, перейдет в академию, которая, руководя Гриневичем, может его использовать в тех отношениях, в каких он может быть полезен. Очень устроило нас то, что Главнаука разрешила взять 1000 р. из научных на командировки. Теперь в меру сил удастся удовлетворить желания всех и избавиться от нареканий, что мы кому-то в чем-то не содействуем. [...] содействуем всем, но, конечно, в меру и наших возможностей. Отчет Фармаковского⁵¹ и Вашу речь отдал в набор; отчет об Ольвии пока не получил, но без него всю экспедицию не отпущу, хотя бы меня не растерзали, как Пенфея, все вакханки Фармаковского. Получил два последних письма от А.А. Васильева⁵² из Америки. Все говорит за то, что он вернется после Парижа к нам, но как он себя будет после американских успехов чувствовать — ума не приложу. А может быть, и все будет хорошо: отправится после американского нашим, и, по правилу *similia similibus curantur*⁵³, будет вполне здоров. Не буду отнимать у Вас времени моими благоглупостями. Отдыхайте и будьте спокойны. Поклон Александре Алексеевне⁵⁴.

Ваш С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 360. Л. 25–26.

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН)

⁴⁷ Состояние, противоположное атараксии, — энергичность, напористость.

⁴⁸ Имеется в виду Государственная академия истории материальной культуры, председателем которой был Н.Я. Марр.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду одно из совещаний, посвященных раскопкам в Херсонесе, целый ряд которых прошел в ГАИМК весной — летом 1926 г. (см. Asanova 2012, 64–65).

⁵⁰ Гриневич, Константин Эдуардович (1891–1970) — археолог, музеевед, ученик В.П. Бузескула, коллега Жебелёва по ПГУ (1918–1920), директор Керченского (1920–1923) и Херсонесского (1924–1927) археологических музеев, основатель и главный редактор «Херсонесского сборника» (1926).

⁵¹ Фармаковский, Борис Владимирович (1870–1928) — историк-антиковед, археолог, член-корреспондент ИАН (1914).

⁵² Васильев, Александр Александрович (1867–1953) — византист, член-корреспондент РАН (1919), с 1919 г. — в РАИМК (в 1920–1921 гг. — ее председатель), в мае 1925 г. по ходатайству РАН и РАИМК по линии Наркомпроса поехал в Берлин и Париж в научную командировку сроком до 15 сентября, однако в августе 1925 г. направился в США на один год для преподавательской работы, командировка продлевалась до 1 июля 1928 г. (Bongard-Levin, Tunkina 1997, 260); профессор Висконсинского университета.

⁵³ Подобное лечится подобным (*лат.*).

⁵⁴ Марр (урожд. Жуковская), Александра Алексеевна (1864–1940) — жена Н.Я. Марра, сестра члена-корреспондента ИАН ираниста В.А. Жуковского, научный сотрудник II разряда Комиссии по изучению племенного состава населения СССР АН СССР (с 1925).

Литература / References

- Alpatov, V.M. 1991: *Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm* [A History of A Myth. Marr and Marrism]. Moscow.
- Алпатов, В.М. *История одного мифа. Марр и марризм*. М.
- Ananiev, V.G., Bukharin, M.D. 2018: [Academician S.A. Zhebelev and State Hermitage]. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 11, 43–70.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. Академик С.А. Жебелёв и Государственный Эрмитаж. *Journal of Modern Russian History and Historiography* 11, 43–70.
- Asanova, U.K. 2012: [The expedition activity of the Kherson State Historical and Archaeological Museum (1920s–1930s) based on the materials from Moscow and Saint Petersburg archives]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University. Series: Historical Science] 25 (64), 2, 51–71.
- Асанова, У.К. Экспедиционная деятельность государственного Херсонесского историко-археологического музея (20–30-е гг. XX в.): по материалам архивов Санкт-Петербурга и Москвы. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»* 25 (64), 2, 51–71.
- Bongard-Levin, G.M., Tunkina, I.V. 1997: [M.I. Rostovtzeff and A.A. Vasilyev: Six dozens years of friendship and creative cooperation]. In: G.M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy roman* [The Scythian Novel]. Moscow, 259–287.
- Бонгард-Левин, Г.М., Тункина, И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 259–287.
- Bowersock, G.W. 1991: [The South Russia of Rostovtzeff: Between Leningrad and New Haven]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 152–162.
- Бауэрсок, Г.У. Южная Россия М.И. Ростовцева: между Ленинградом и Нью-Хейвеном. *ВДИ* 4, 152–162.
- Dewachter, M. 1992: [Champolion, his Russian friends and the beginnings of Egyptian museology]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 139–144.
- Деваштер, М. Шампольон, его русские друзья и зарождение египетской музеологии. *ВДИ* 4, 139–144.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Studies]. 2nd ed. Moscow.
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.
- Freidenberg, O.M. 1988: [Memories of N. Ya Marr. Publication and comments by N.V. Braginskaya]. *Vostok–Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii*. Vyp. 3 [East–West. Investigations. Translations. Publications. Issue 3], 181–204.
- Фрейденберг, О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре. Публ. и коммент. Н.В. Брагинской. *Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Вып. 3, 181–204.
- Frolov, E.D. 2000: [Sergey Aleksandrovich Zhebelev]. In: G.N. Sevast'yanov, L.I. Marinovich, L.T. Mil'skaya (eds.), *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*. T. 2. *Vseobshchaya istoriya* [Portraits of Historians. Time and Destinies. Vol. 2. World History]. Moscow–Jerusalem, 16–27.
- Фролов, Э.Д. Сергей Александрович Жебелёв. В кн.: Г.Н. Севостьянов, Л.И. Маринович, Л.Т. Мильская (ред.), *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 2. Всеобщая история. Москва–Иерусалим, 16–27.
- Ivanov, Yu.F. 1990: [Towards the history of D. Litt. thesis of D.M. Petrushevskiy]. In: I.D. Kovalchenko (ed.), *Istoriya i istoriki* [History and Historians]. Moscow, 299–304.
- Иванов, Ю.Ф. К истории докторской диссертации Д.М. Петрушевского. И.Д. Ковальченко (ред.), *История и историки*. М., 299–304.
- Kaganovich, B.S. 2015: [S.F. Oldenburg and N. Ya. Marr: View from the 21st century]. *Armenological Issues (Yerevan)* 2 (5), 3–15.
- Каганович, Б.С. С.Ф. Ольденбург и Н.Я. Марр: Взгляд из XXI века. *Armenological Issues (Yerevan)* 2 (5), 3–15.
- Kaganovich, B.S. 2016: [Sergey Fedorovich Oldenburg and Nikolai Yakovlevich Marr]. In: I.F. Popova (ed.), *Sergey Fedorovich Oldenburg – Scholar and Organizer of Science*. Moscow, 136–151.

- Каганович, Б.С. Сергей Федорович Ольденбург и Николай Яковлевич Марр. В сб.: И.Ф. Попова (ред.), *Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки*. М., 136–151.
- Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018a: [Last years of S.A. Zhebelyov, Member of the Academy: Short-hand record of the academic meeting in Tashkent, January 31, 1942]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/1, 88–112.
- Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Академик С.А. Жебелёв, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. *ВДИ* 78/1, 88–112.
- Karpyuk, S.G., Kulishova, O.V. 2018b: [Ancient history before the war: S.A. Zhebelyov and Soviet-German scientific connections in 1939–1941]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/2, 389–404.
- Карпюк, С.Г., Кулишова, О.В. Предвоенная древняя история: С.А. Жебелёв и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. *ВДИ* 78/2, 389–404.
- Klyuev, A.I., Metel, O.V. (ed.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]*. Omsk.
- Клюев, А.И., Метель, О.В. (сост.) 2018: *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Lurie, Ya.S. 2004 *Istoriya odnoy zhizni [A History of a Life]*. Saint Petersburg.
- Лурье, Я.С. *История одной жизни*. СПб.
- Levinskaya, I.A. 2018: *Elias (Ilya Bikerman). Peterburgskiy prolog [Elias (Ilya Bikerman). St.-Petersburg Prologue]*. Saint Petersburg.
- Левинская, И.А. *Элиас (Илья) Бикерман. Петербургский пролог*. СПб.
- Marr, N. Ya., Zhebelev, S.A. 1919: *O reorganizatsii gumanitarnykh fakul'tetov Pervogo Petrogradskogo universiteta v fakul'tet obshchestvennykh nauk [On Reorganization of Humanitarian Faculties of the First Petrograd University into the Faculty of Social Sciences]*. Petrograd.
- Марр, Н.Я., Жебелёв, С.А. *О реорганизации гуманитарных факультетов Первого Петроградского университета в факультет общественных наук*. Пг.
- Mikhankova, V.A. 1949: *Nikolay Yakovlevich Marr. Ocherk ego zhizni i nauchnoy deyatel'nosti [Nikolay Yakovlevich Marr. Sketch of His Life and Scientific Activity]*. 3rd ed. Moscow-Leningrad.
- Миханкова, В.А. *Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности*. 3-е изд. М.—Л.
- Rostovtzeff, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkhеologicheskikh [Scythia and Bosphorus. Critical Review of Narrative and Archaeological Monuments]*. Leningrad.
- Ростовцев, М.И. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Л.
- Shishkin, V.A. 2003: [Academician S.A. Zhebelev and his conflict with the Communist party and scientific bureaucracy]. In: E.I. Kolchinkiy, I.P. Medvedev (eds.), *Russkaya nauka v biographicheskikh ocherkakh [Russian Science in Biographical Sketches]*. Saint-Petersburg, 288–295.
- Шишкин, В.А. Академик С.А. Жебелёв и его конфликт с партией и научной бюрократией (1928 г.). В сб.: Э.И. Колчинский, И.П. Медведев (ред.), *Русская наука в биографических очерках*. СПб., 288–295.
- Sidorchuk, I.V. 2016: [Work of N. Ya. Marr as the head of the State Academy for History of Material Culture (1919–1920, 1922–1934)]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences]* 4 (255), 96–107.
- Сидорчук, И.В. Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной академии истории материальной культуры (1919–1920, 1922–1934 гг.). *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки* 4 (255), 96–107.
- Skudar', E. 2017: *Professor Moskovskogo universiteta A.A. Grushka. Stranitsy zhizni [Professor of Moscow University A.A. Grushka. Pages of Life]*. 2nd ed. Moscow.
- Скударь, Е. *Профессор Московского университета А.А. Грушка. Страницы жизни*. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.
- Tunkina, I.V. 2000a: [“Case” of academician S.A. Zhebelev]. *Drevniy mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii*. Vyp. 2 [Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia: Almanac. Issue 2]. Saint-Petersburg, 116–161.

- Тункина, И.В. «Дело» академика С.А. Жебелёва. *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России*. Вып. 2. СПб., 116–161.
- Tunkina, I.V. 2000b: [N. Ya. Marr and F.A. Braun: History of the relationship (1920–1925)]. *Stratum-plus* 4, 384–391.
- Тункина, И.В. Н.Я. Марр и Ф.А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925). *Stratum-plus* 4, 384–391.
- Tunkina, I.V. 2002: [From research heritage: The note on the conferment of academic degrees to S.A. Zhebelev]. In: I.S. Kamenetskiy, A.A. Formozov (eds.), *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii*. Вып. III [The Essays on the History of Russian Archeology. Issue III]. Moscow, 142–194.
- Тункина, И.В. Из научного наследия: Записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва. В сб.: И.С. Каменецкий, А.А. Формозов (ред.), *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. III. М., 142–194.
- Vinogradov, Yu.A. 2016: [V.I. Maksimova. The path of a Russian scholar]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Proceedings of the Institute for the History of Material Culture] 14, 7–23.
- Виноградов, Ю.А. М.И. Максимова. Путь русского ученого. *Записки Института истории материальной культуры* 14, 7–23.
- Vinogradov, Yu.A. 2017: [From the letters of G.F. Zereteli to M.I. Maksimova]. *Novyy Germes* [New Hermes] 9, 58–68.
- Виноградов, Ю.А. Из писем Г.Ф. Церетели к М.И. Максимова. *Новый Гермес* 9, 58–68.
- Zhebelev, S.A. 1935: [The birth of GAIMK. From the Memories of N. Ya. Marr]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of History of Pre-Capitalist Societies] 3–4, 170–174.
- Жебелёв С.А. Рождение ГАИМК. Из воспоминаний о Н.Я. Марре. *Проблемы истории докапиталистических обществ* 3–4, 170–174.
- Zhebelev, S.A. 1993a: [Autonecrolgy]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 177–201.
- Жебелёв, С.А. Автонекролог. Публ. И.В. Тункиной, Э.Д. Фролова. *ВДИ* 2, 177–201.
- Zhebelev, S.A. 1993b: [From recollections on J.I. Smirnov; From recollections on the old friend; S.F. Oldenburg]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 191–202.
- Жебелёв, С.А. Из воспоминаний о Я.И. Смирнове; Из воспоминаний о старом товарище; С.Ф. Ольденбург. *ВДИ* 3, 191–202.
- Zhebelev, S.A. 2017: *Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya: 1897–1921. Istoricheskiy ocherk. Prilozhenie: Biobibliograficheskij slovar' chlenov RAO (1846–1924)*. Sost. i otv. red. I.V. Tunkina [Russian Archaeological Society for the Last Third of the Century of its Existence: 1897–1921. Historical Sketch. Biobibliographical Dictionary of the Members of RAS (1846–1924). Ed. by I.V. Tunkina] (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5). Moscow, 2017.
- Жебелёв, С.А. *Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования: 1897–1921. Исторический очерк. Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М.
- Zuev, V. Yu. 1990: [M.I. Rostovtseff's creative path when writing the “Studies in the History of Scythia and the Bosporan Kingdom”. Pt. 1]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 148–153.
- Зуев, В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (к созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»). Часть 1. *ВДИ* 4, 148–153.
- Zuev, V. Yu. 1991: [M.I. Rostovtseff's creative path when writing the “Studies in the History of Scythia and the Bosporan Kingdom”. Pt. 2]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 166–176.
- Зуев, В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (к созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства»). Часть 2. *ВДИ* 1, 166–176.